

Изъ прошлаго деревни.

(Воспоминаніе).

Въ концѣ восьмидесятихъ годовъ пришлось мнѣ поселиться въ одной изъ малороссійскихъ губерній, гдѣ я купилъ небольшое имѣніе, состоящее изъ нѣсколькихъ кусковъ земли, разбросанныхъ вокругъ большого села Ф.

Имѣніе это принадлежало когда-то, въ цѣломъ его составѣ, довольно крупному владѣльцу П., который, по рассказамъ, былъ человекъ недюжиннаго ума, большой энергіи, хорошій хозяинъ и такой же воспитатель своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, между которыми, рядомъ съ грамотностью, процвѣтали всякія искусства (мастерства). Въ мое время въ этомъ большомъ селѣ, состоящемъ чуть не изъ тысячи душъ, можно было встрѣтить и хорошихъ плотниковъ, столяровъ, слесарей, механиковъ до лудильщиковъ самоваровъ включительно. Все это обучалось на счетъ своего владѣльца, который на свой счетъ содержалъ соответствующія мастерскія и учителей инструкторовъ. Память о себѣ онъ оставилъ среди крестьянъ хорошую, а, умирая, оставилъ вполне благоустроенное имѣніе тремъ своимъ сыновьямъ, людямъ уже семейнымъ, служащимъ, по обычаю старыхъ дворянскихъ традицій, въ военной службѣ. Подѣлившись этимъ имѣніемъ, поселились они въ деревнѣ, но, не приспособившись къ дѣлу сельскаго хозяйства, черезъ нѣсколько уже лѣтъ разорились окончательно. Земли ихъ, обремененныя чрезмѣрными долгами, проданы были съ торговъ. У двухъ изъ братьевъ остались только усадьбы съ нѣсколькими десятинами земли при нихъ. У старшаго изъ братьевъ осталась еще отцовская усадьба съ огромнымъ полутораэтажнымъ домомъ и небольшими каменными службами при немъ, а у млад-

шаго небольшой домъ стариннаго типа домовъ помѣщика средней руки съ такими же остальными постройками. Земля младшаго брата была куплена съ торговъ однимъ отставнымъ полковникомъ польскаго происхожденія, бывшимъ воспитателемъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ. Полковникъ построилъ себѣ усадьбу съ „вентиляціоннымъ домомъ“, какъ выражался онъ, гдѣ свѣжій воздухъ имѣлъ первенствующее значеніе. Высокія досчатыя стѣны этого дома съ положеннымъ на нихъ тонкимъ слоемъ глины, съ огромными венеціанскими окнами, чуть не до потолка, съ отсутствіемъ передней съ параднаго хода, когда дверь изъ комнаты, служащей и для гостей и спальней самого полковника, выходила прямо во дворъ, строеніе это въ зимнюю стужу представляло изъ себя нестерпимо холодное помѣщеніе. Холодный зимній вѣтеръ, какъ говорится, „ходуномъ ходилъ“ по комнатамъ. Температура тогда въ спальнѣ полковника падала до нуля, и борода его, какъ говорили потомъ мнѣ, примерзала къ подушкѣ. Полковникъ воздвигъ остальные хозяйственныя постройки-мазанки и переѣхалъ съ семьей своею въ имѣніе это, чтобы на лонѣ природы отдохнуть отъ трудовъ своихъ. Немного лѣтъ, прожитыхъ въ имѣніи этомъ, не дали бывшему воспитателю того покоя, который представляла въ воображеніи его жизнь сельскаго хозяина. Вѣчные споры, нелады съ сосѣдними мужиками, антагонизмъ между нимъ и бывшимъ имѣніи этого владѣльцемъ, который не могъ выносить того, что полковникъ „сидитъ“ на его землѣ, дѣлали жизнь для него и безпокойной, и непріятной до высшей степени, и полковникъ объявилъ имѣніе въ продажу. Вотъ это имѣніе и купилъ я, предоставивъ полковнику право проживания въ немъ въ теченіе извѣстнаго срока уже по совершеніи купчей крѣпости; самъ же я отъ времени до времени наѣзжалъ въ это имѣніе. Наѣзды свои я совершалъ со станціи ж. д. на извозчикѣ.

Въ одну изъ такихъ обратныхъ моихъ изъ имѣніи этого поѣздокъ извозчикъ мой обратился ко мнѣ съ просьбой разрѣшить ему взять совмѣстно со мною „какого-то барина“—дачника одного изъ братьевъ П. Я согласился.

Въ поданномъ къ крыльцу дома извозничьемъ экипажѣ уже сидѣлъ довольно тощій господинъ съ небольшою клинообразною сѣдою бородкою. Надвинутая на лобъ его шляпа „котелокъ“ бросала тѣнь на его худое, блѣдное лицо, уже сильно испещренное морщинами; большіе глаза его изъ-подъ темныхъ нависшихъ бровей смотрѣли куда-то вдаль. Онъ какъ-бы не замѣчалъ приближенія моего къ экипажу.

Я обратился къ нему съ привѣтствіемъ, назвавъ свою фамилію. Господинъ этотъ сдѣлалъ движеніе въ мою сторону и, протягивая

миѣ свою худую руку, отрекомендовался миѣ отставнымъ чиновникомъ, не помню какого-то вѣдомства, назвавъ при этомъ свою фамилію. Пожавъ другъ другу руки, я усѣлся съ нимъ рядомъ, чтобы держать свой путь на станцію Г.

Прекрасное раннее лѣтнее утро не соотвѣтствовало, повидимому, настроенію души моего случайнаго попутчика.

Надвинувъ еще больше свою шляпу на лобъ, сидѣлъ онъ какъ-то угрюмо, мрачно, затягиваясь непрерывно своею толстою папиросою, которую одну за другою вынималъ онъ изъ бокового кармана своего сильно уже поношеннаго пальто цвѣта гаванна. Отбрасывая отъ себя докуренную уже папиросу, онъ снова зажигалъ другую, словно въ этомъ дыму табачномъ хотѣлъ разсѣять свои мрачныя думы.

Въ молчаніи мы проѣхали уже нѣсколько верстъ, когда незнакомецъ мой, повернувшись ко миѣ всѣмъ своимъ тощимъ туловищемъ, заговорилъ со мной.

— Вы что же, новый владѣлецъ имѣнія этого?

— Да,—утвердительно отвѣтилъ я ему.—А вы?—въ свою очередь спросилъ я его.

— Я былъ, къ счастью, не долгимъ обывателемъ-дачникомъ сосѣда вашего, господина П., съ которымъ, какъ слыхалъ я, вы еще не успѣли познакомиться, и съ которымъ, если угодно вамъ, я могу познакомить васъ, чтобы вы имѣли, такъ сказать, нѣкоторое представленіе о вашемъ будущемъ сосѣдѣ.

Меня это очень заинтересовало, и я охотно согласился слушать своего попутчика.

— Расскажу вамъ по порядку,—началъ мой собесѣдникъ.—какъ я попалъ въ эти захолустныя мѣста, куда тридцатипятиверстное разстояніе отъ станціи ж. д. приходится на мужичьей клячѣ ѣхать чуть не цѣлый день.

— Я одесситъ, гдѣ я началъ и закончилъ свою тридцатипятилѣтнюю службу въ одномъ изъ казенныхъ учрежденій. Чиновъ я невеликихъ и по рангу моему и пенсію такую получаю. Миѣ, одинокому, старому холостяку, едва приходится сводить концы съ концами, а ужъ о какихъ-то тамъ дачныхъ поѣздкахъ и рѣчи быть не могло. Живя на окраинѣ города, въ лѣтнее время и пыли и жары, вотъ какъ иной разъ захочется и простора деревенскаго и чистаго воздуха полей...

Прочиталъ я въ одной изъ мѣстныхъ газетъ, что живетъ въ такой-то губерніи, въ имѣніи своемъ, нѣкій великій благодѣтель, что и нашему брату, отставному чиновнику, обрѣсть можно тамъ на лѣтнее время и пріютъ и комфортъ всякій, и все это дается.

благодѣтелемъ даромъ, изъ челоуѣколюбія... Приѣзжай, молю, живи и наслаждайся... Къ твоимъ услугамъ и хорошій деревенскій столъ, и катанье на лодкахъ, и охота на всякую дичь, и рыбныя ловли, и все прочее. Прочиталъ я въ газеткѣ этотъ призывъ благодѣтеля еще далеко до весны; по газетному адресу написалъ я владѣльцу письмо, заранѣе уже поблагодаривъ его за благодѣянія, которыя сулилъ онъ нашему брату-голышу. Владѣлецъ не замедлилъ отвѣтить мнѣ, что все написанное въ газетѣ—сущяя правда. Сталъ я со своею убогой пенсіи копить деньжонокъ, чтобы хватило проѣхать туда и обратно,—жизнь вѣдь тамъ, по газетному сообщенію, ничего не стоила. Много мѣсяцевъ пришлось мнѣ перебиваться, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ...

Нужно вамъ сказать, что все дѣтство мое проведено было мною въ деревнѣ среди простора степей южной Россіи. Отецъ мой былъ владѣльцемъ довольно крупнаго имѣнія Х—ской губерніи, но, женившись вторично на красавицѣ изъ бѣдныхъ дворянъ, онъ все свое состояніе оставилъ нашей мачехѣ съ ея двумя дѣтьми, прижитыми ею отъ отца моего, а намъ съ сестрою, дѣтьямъ его отъ перваго брака, ничего не оставилъ. Сестра еще малою дѣвочкою умерла, а я съ шестнадцатилѣтняго возраста пошелъ служить. Отецъ въ это время уже умеръ, и я, какъ видите, съ ранняго возраста лишился и ласки родительской и помощи матеріальной...

Долгая тридцатипятилѣтняя служба нелегкаго труда и забота о насущномъ кускѣ хлѣба—оставили слѣдъ на здоровьи моемъ. Почувствовалъ я это, когда ушелъ уже на покой. Такъ бываетъ съ выработанною, заѣзженною клячею: запряженная въ телѣгу, она не замѣчаетъ и искалѣченныхъ, подорванныхъ ногъ своихъ и обезсиленнаго тяжкимъ трудомъ тѣла своего; какъ-бы по инерціи она двигается вмѣстѣ со своею тяжестью и поставленная уже въ свое стойло почувствуетъ она тогда всю немощь, всю слабость своего надорваннаго здоровья: то ляжетъ, то встанетъ, то подберетъ ноги подъ себя, то опять ихъ вытянетъ..., то протянетъ свою тонкую шею, то голову приложитъ къ животу и... глубоко, глубоко вздохнетъ... Я наблюдалъ это не разъ. Не знаю, удачно ли, но я часто себя сравниваю съ такимъ животнымъ... Впрочемъ, я отвлекся отъ своей первоначальной мысли.

Впечатлѣніе дѣтства оставило неизгладимый слѣдъ въ душѣ моей. Мнѣ казалось, что я снова, на старости лѣтъ, заживу, хотя и временно, тою былою жизнью юнаго возраста... и не могу выразить вамъ того состоянія души моей, когда я сѣлъ въ поѣздъ, чтобы ѣхать въ обѣтованную землю.

Дорога со станціи ж. д. до сего мѣста, какъ уже и вамъ извѣстно

не коротка. Проѣхать тридцатипятиверстное разстояніе въ жарѣ и пыли, да еще на мужичьей повозкѣ, гдѣ все нутро изъ тебя вытрясетъ, не легко, но, проѣзжая среди казачьихъ малороссійскихъ хуторковъ, съ ихъ симпатичными бѣленькими хатками-мазанками, среди этихъ „и млиновъ, и гайковъ и вишневыхъ садковъ“ отрадно какъ-то становилось на душѣ, и я, какъ бы незамѣтно, доѣхалъ до цѣли своей поѣздки.

На порогѣ обветшавшаго уже крыльца встрѣчаетъ меня широкоплечій господинъ высокаго роста, съ большою продолговатою сѣдою бородою, съ надѣтой на немъ ситцевой блузой, подпоясанной ремешкомъ, въ ботфортахъ. Первое, что господинъ этотъ любезно предупредилъ меня, чтобы я былъ остороженъ, такъ какъ ступеньки крыльца не совсѣмъ исправны и чтобы, восходя по нимъ, я придерживался бы больше краевъ ихъ, а не середины.

— Бывали случаи нападенія, — произнесъ господинъ этотъ своимъ густымъ басомъ, глядя на меня въ упоръ изъ-подъ своихъ еще темныхъ, густыхъ бровей. Подавая мнѣ свою руку, господинъ этотъ отрекомендовался мнѣ владѣльцемъ имѣнія.

— Вы, конечно, обо мнѣ, думаю, много слышали, — ведя меня подъ руку въ домъ, произнесъ владѣлецъ. — О моей культурной миссіи среди неразвитаго, темнаго народа, который я стараюсь всячески развивать; о моихъ благотворительно-гуманныхъ начинаніяхъ; объ идеѣ моей, которую я первый примѣнилъ здѣсь на дѣлѣ — устройство лѣтняго, каникулярнаго пріюта для слабыхъ, болѣзненныхъ дѣтей школьнаго возраста, для физическаго развитія которыхъ имѣются у меня всякія приспособленія; пріюта и для взрослыхъ интеллигентовъ, здоровье которыхъ требуетъ отдыха на чистомъ воздухѣ, а не въ тѣсныхъ, душныхъ улицахъ города. Все это, думаю, извѣстно вамъ и по газетамъ, гдѣ и я пописываю. Последнія слова владѣлецъ произнесъ какъ-то многозначительно, склонивъ голову немного на бокъ, словно онъ самъ прислушивался къ словамъ своимъ. Лицо же его при этомъ словѣ „я“ изобразило самодовольную улыбку.

Чего, чего только не наговорилъ онъ мнѣ, ведя меня по цѣлой амфиладѣ громаднхъ почти пустыхъ комнатъ съ изрѣдка попадавшимися въ нихъ ветхими стульями, безногими столами припертыми къ стѣнкѣ и съ полуразвалившимися диванами. Дошли мы съ нимъ до одной изъ комнатъ, на дверяхъ которой была прибита визитная карточка съ инициалами владѣльца, съ золотою короною надъ ними, символизирующею происхожденіе владѣльца.

Послѣ довольно большихъ усилій дверь открылась, и мы вошли въ большую, свѣтлую комнату, съ длинными библиотечными пол-

ками вдоль стѣны, съ громаднымъ, некрашеннаго дерева, письменнымъ столомъ, съ единственнымъ стуломъ, стоявшимъ передъ нимъ, и съ широкою, двухспальною кроватью.

— Комната эта—святая святыхъ для меня, — пояснилъ владѣлецъ.— Она бываетъ свидѣтелемъ и моихъ тяжелыхъ думъ, и свѣтлыхъ мыслей—въ ночи бессонныя. Здѣсь отдыхаю я и отъ трудовъ своихъ, здѣсь я черпаю и вдохновенія свои... Вотъ они—свидѣтели моихъ сокровенныхъ думъ, собесѣдники мои въ долгія осеннія ночи, — сказалъ владѣлецъ, указавъ на груды книгъ и журналовъ, валяющихся въ безпорядкѣ на полкахъ шкафа.— Я вѣдь не чуждъ, — продолжалъ онъ, — и литературы. Здѣсь вы найдете, — указывая на массу газетъ, сложенныхъ въ кучу на полу, — и статьи мои о воспитаніи дѣтей школьнаго возраста.— При этомъ владѣлецъ началъ подробно развивать свою мысль на этотъ счетъ. Слова его сыпались какъ изъ рога изобилія. Ушинскій, Спенсеръ чередовались съ другими именами до Бокля включительно... Я чувствовалъ, что голова моя кругомъ уже пошла, что дальше выдержать я уже не могу, что усталый, голодный, я уже пересталъ разбираться въ этихъ ученыхъ трактатахъ... Я не выдержалъ и въ изнеможеніи опустился на кровать, а владѣлецъ, стоя предо мною, продолжалъ все цитировать ученыхъ авторовъ, то похваляя ихъ, то критикуя ихъ. Солнце уже опустилось за горизонтъ, а рацеямъ этимъ и конца не предвидѣлось, если бы не случилось нѣчто неожиданное.

Со стороны сада услышали мы сначала одинъ, а потомъ другой выстрѣлы... Ораторъ мой мгновенно прервалъ свою рѣчь и затѣмъ, какъ бы что-то обдумавъ, бросился къ выходу изъ комнаты, увлекая и меня за собою.

Мы шли скоро по густымъ заросшимъ аллеямъ этого заброшеннаго парка, пока не увидѣли на одной изъ аллей группу молодыхъ людей обоюго пола, о чемъ-то шумно разговаривающихъ между собою. Отъ группы этой отдѣлилась одна молодая особа, которая, почти подбѣжавъ къ намъ, сообщила, что произошла дуэль между двумя молодыми людьми, такимъ-то и такимъ-то, изъ-за госпожи К., молодой, довольно красивой дѣвицы какихъ-то не то фельдшерскихъ, не то акушерскихъ курсовъ. Дуэлистами же были совсѣмъ юные молодые люди, изъ коихъ одинъ былъ студентомъ первокурсникомъ, кажется, нашего университета, а другой—ученикъ техническаго училища. Госпожа К. была не то еврейка, не то молдаванка, какъ казалось мнѣ. Дуэль эта закончилась вполнѣ благополучно, никто ей значенія не придавалъ, относя ее къ шуткѣ молодыхъ людей и дальше, въ теченіе моей недѣльной

— Желаніе молодежи...,—какъ бы понявъ меня, подсказалъ мнѣ хозяинъ.—Общая спальня и все прочее...—захихикалъ онъ, какъ-то себѣ подъ носъ.—И я это вполне понимаю,—уже серьезно сказалъ онъ.—*A la guègге—comme à la guègге...* На лонѣ природы—должно быть все естественно, натурально... Здѣсь ничто не должно напоминать городскую жизнь съ ея давящею тѣсотой, съ ея шаблонной обстановкой. Здѣсь сама натура, простая, непринужденная, и какъ это по душѣ пришлось молодежи...

— Всѣ они, какъ могли уже замѣтить и вы, и бодры и веселы... Колонія моя существуетъ уже не первое лѣто, и я покажу вамъ—сколько уже писемъ получилъ я, писемъ умиленно-восторженныхъ, признательныхъ. Впрочемъ, не отъ одной молодежи. Живали у меня люди и вашего возраста, и всѣ они съ большою признательностью уѣзжали отъ меня.

— Какъ примѣръ—владѣлецъ припомнилъ себѣ одну пожилую уже даму, которая пріѣхала къ нему съ разстроенными нервами, съ разбитымъ здоровьемъ, и какъ она потомъ оправилась, окрѣпла, помолодѣла и душой и тѣломъ.

— Это тщедушное, изможденное, несчастное существо, какимъ она пріѣхала ко мнѣ,—пояснялъ владѣлецъ—уже чрезъ мѣсяць была и здорова, и бодра, и весела... Повѣрите ли, что дама эта уже къ концу мѣсяца, прожитаго ею у меня, взапуски бѣгала съ молодежью, участвуя во всѣхъ играхъ ихъ. Въ этомъ и заключается идея моя—предоставить такую обстановку, гдѣ каждый могъ бы свободно, непринужденно чувствовать себя; гдѣ между членами общества не было бы различія въ возрастѣ и желаніяхъ. Усталый мозгъ, работой непосильной ослабленное тѣло—должны снова воспрянуть въ моемъ убѣжищѣ... Вопросы политическаго, социальнаго характера не должны имѣть мѣста въ этомъ мѣстѣ отдыха. Взаимная любовь, взаимное уваженіе, взаимная непринужденность, свобода воли, свобода дѣйствій—вотъ тѣ принципы, которые положилъ я въ основу своего общежитія.

Я улыбнулся... но улыбнулся я не этимъ красивымъ словамъ вдохновеннаго оратора, какимъ онъ былъ въ данный моментъ, а той метаморфозѣ, которая произошла съ пожилой дамой, бѣгающей взапуски съ молодежью.

— Вы улыбаетесь... Вы этому не вѣрите,—замѣтилъ владѣлецъ. Поживите—увидите и на себѣ испытаете все это,—убѣжденно закончилъ владѣлецъ.

— Ну-съ, какъ вамъ нравится такая идея молодежи?—спросилъ меня владѣлецъ, указывая на всю эту обстановку.

впроголодь, а лѣтомъ питается на счетъ дачниковъ, что эти дачники даютъ старухѣ въ складчину деньги, и на нихъ старуха закупаетъ у бабъ на селѣ всякую снѣдь. Словоохотливая старуха поразказала мнѣ и еще многое, чего я никакъ уже не ожидалъ, и я понялъ тогда, что мы всѣ собравшіеся сюда, люди разнаго положенія, возраста—введены были въ заблужденіе, благодаря газетной рекламѣ. Молодежи, конечно, подобная жизнь на какихъ-то коммунистическихъ началахъ могла и по вкусу прійтись, но мнѣ, человѣку, какъ выразился владѣлецъ, „умудренному опытомъ и убѣленному сѣдинами“, жизнь такая не могла быть по вкусу, и я, проживши въ этомъ хаосѣ съ недѣлю, уѣзжаю обратно далеко не съ признательностью въ душѣ. За этотъ короткій промежутокъ времени мнѣ приходилось иной день и поголодать, такъ какъ старуха, эта универсальная прислуга, имѣла большую склонность къ спиртнымъ напиткамъ, а по-просту—къ водкѣ, и были дни, когда она возвращалась съ села, какъ говорится, безъ заднихъ ногъ, и тогда нѣкоторые изъ молодежи отпраивались сами добывать себѣ пищу какую, а деньги, полученные старухой на провизію, такъ и значились за нею, какъ безвозвратная ссуда.

— Да... странный человѣкъ этотъ господи́нь П., началъ опять мой попутчикъ послѣ нѣкотораго молчанія. Маньякъ, изъ такого сорта людей, которые, одержимые до извѣстной степени маніей не свойственнаго имъ величія, стремятся имя свое сдѣлать интереснымъ, замѣтнымъ... Краснобай, фразеръ и даже не очень и умный, человѣкъ этотъ вообразилъ себя нѣкімъ геніемъ, который можетъ внести въ жизнь человѣческую нѣчто новое, раньше небывалое. Воспитавъ въ себѣ извѣстную определенную имъ идею, онъ убѣжденно увѣровалъ въ нее и фантастическое, совершенно не осуществимое въ силу разныхъ жизненныхъ условій, вообразилъ онъ какъ нѣчто реальное и уже осуществленное, т. е. приложенное уже къ жизни. Этимъ я объясняю себѣ всѣ его нелѣпыя пустыя публикаціи, противорѣчащія тому, что есть на самомъ дѣлѣ. Этимъ я объясняю и всѣ его и дѣйствія, и поступки, идущіе въ полный разрѣзъ со словами его... Мыльный пузырь—вотъ тотъ, что выпускаютъ дѣтишки изъ соломенки... Выпущенный изъ нея—онъ такъ красиво, величественно поднимается въ высь, онъ такъ красиво отражаетъ въ себѣ всѣ радужные цвѣта преломленныхъ въ немъ лучей солнца, и какъ ничтоженъ онъ дѣлается при прикосновеніи къ нему—разлетается въ прахъ, будто его и не было. Однако я увлекся, а вотъ уже и станція скоро.

Вдали замѣтенъ уже былъ дымокъ приближающагося поѣзда. Извозчикъ нашъ все энергичнѣе началъ понукать своихъ уже до-

волью уставшихъ лошадокъ, и мы въ одно время съ поѣздомъ подѣхали къ станціи. Дороги наши шли въ противоположныя стороны. Мой поѣздъ подошелъ раньше, и я, взявъ наскоро билетъ, распрощался со своимъ случайнымъ попутчикомъ. Отъ него я получилъ довольно полное представленіе о моемъ столь близкомъ сосѣдѣ, и въ душѣ своей я тогда же рѣшилъ не наносить ему обычнаго сосѣдскаго визита прежде, чѣмъ я не поразспрошу про него и еще у кого-нибудь и главнымъ образомъ у сельскаго батюшки, который, соприкасаясь такъ близко со своими прихожанами, всегда могъ знать всю, что называется, подноготную ихъ жизни. Черезъ мѣсяць уже у меня состоялось знакомство съ нимъ, когда онъ былъ приглашенъ мною отслужить молебень въ домѣ по случаю моего водворенія тамъ.

Громаднаго роста, съ плечами въ косую сажень, съ окладистою вьющеюся сѣдою бородою, съ густою шевелюрой черныхъ, но уже съ сильною просѣдою волосъ на головѣ, съ умнымъ, пронизательнымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ—человѣкъ этотъ при знакомствѣ съ нимъ производилъ впечатлѣніе какого-то средне-вѣковаго легендарнаго витязя, которому не доставало только соответствующихъ доспѣховъ въ видѣ шлема и проч.

— Въ этомъ домѣ пришлось быть мнѣ всего одинъ разъ,—переступая порогъ дома, произнесъ батюшка своимъ густымъ басомъ. Вашъ предшественникъ, какъ католикъ, недолюбливалъ нашего брата православнаго попа и относился ко мнѣ, если и не враждебно, то и не совсѣмъ дружелюбно. Я нанесъ ему тогда чисто дѣловой визитъ и съ тѣхъ поръ я не былъ... Очень, очень радъ водворенію вашему здѣсь, и давай Богъ, чтобы вамъ жилось здѣсь и радостно, и безпечно. Мира, всего міра и благодати Божьей пожелаю Вамъ и съ этимъ моимъ душевнымъ словомъ и приступимъ къ молитвѣ.

Молебень начался. Послѣ окончанія его я предложилъ батюшкѣ отобѣдать съ нами, на что онъ охотно согласился. На предложеніе мое—выпить чего-нибудь передъ ѣдою батюшка наотрѣзъ отказался.

— Не пью. Бросилъ уже нѣсколько лѣтъ, а прежде пилъ и даже изрядно. Со мною былъ одинъ случай въ жизни моей, случай, чуть не закончившійся для меня очень печально, и съ тѣхъ поръ я и бросилъ. Тогда я состоялъ настоятелемъ церкви въ М. уѣздѣ. Бѣдный, совершенно убогій приходъ тотъ отличался особеннымъ пристрастіемъ къ пагубному наптку. Пили водку тамъ всѣ поголовно—и старъ, и младъ, и женщины, и дѣвки.

Еврей, содержащій въ селѣ томъ постоянный дворъ и корчму,

уже чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ „дѣла“ своего нажилъ изрядное состояніе, и вотъ мнѣ, тогда еще юному, только что надѣвшему рясу священника, человѣку дали приходъ этотъ. Съ лучшими возвышенными порывами молодости я взялся усердно и горячо искоренять въ народѣ его пагубную страсть. И съ церковнаго амвона, и въ частной бесѣдѣ я старался вразумить народъ и наставить его на путь истины. Жена моя въ этомъ дѣлѣ была моимъ вѣрнымъ помощникомъ. Много лѣтъ боролись мы съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ, и дѣло будто начало налаживаться, какъ умираетъ подруга моей жизни, и остался я съ пятью малыми дѣтьми одинокій... Тоска тяжелая, безысходная томила душу мою, и прежде здоровый и тѣломъ и духомъ я сталъ слабѣть въ борьбѣ съ постигшимъ меня несчастіемъ... Я чувствовалъ тогда, какъ духъ бодръ уходитъ отъ меня, какъ безволие и малодушіе беретъ верхъ надъ силою разсудка... и я разрѣшилъ.

— Пійте, батюшка, горілку (водку), пійте, якъ и мы пьемо,— говорили мнѣ мужики—пійте, и за гирьку долю, пійте и за счастье...—И я сталъ пить.

— Исцѣли меня, Благость предвѣчная! Исцѣли мои раны сердечныя!—повторялъ я не разъ слова молитвы... но рана моя слишкомъ глубока была и не поддавалась заживленію... Я пилъ, чтобы забыться, и долго бы я это дѣлалъ, если бы случай, о которомъ я упомянулъ, не заставилъ меня придти въ себя. Объ этомъ я расскажу вамъ когда-нибудь на досугѣ, а теперь спрошу васъ—какъ чувствуете вы себя въ болотахъ нашихъ? Я не думалъ, что вы купите имѣніе это и, обратись вы ко мнѣ—я бы никогда не посоветывалъ вамъ сдѣлать это. И мѣсто сырое, болотистое, нездоровое, неудобное, да и сосѣдство наипаче того, а хорошій сосѣдъ—великое дѣло.

— А вотъ и кстати о сосѣдствѣ, батюшка.—Я рассказалъ ему про свою поѣздку съ дачникомъ и все то, что слыхалъ я отъ дачника этого.

— Да! это такъ,—отвѣтилъ батюшка.—Человѣкъ пустой, но съ большимъ самоимѣніемъ и къ тому же большой кляузникъ. Владѣя перомъ, онъ, за неимѣніемъ средствъ къ жизни, обратился въ какого-то деревенскаго писаку, ходатая по разнымъ крестьянскимъ дѣламъ; за какой-нибудь десятокъ яиць, али за курицу, пишетъ онъ мужикамъ всякія прошенія, жалобы и проч. Все это ведетъ ни къ чему, но мужики вѣрятъ ему и наипаче силѣ написанной имъ бумаги. Состояніе отъ отца получилъ хорошее, да провель его самымъ безразсуднымъ способомъ. Дачниковъ теперь завель... Да что много говорить,—поживите—увидите сами. Былъ

онъ у насъ и церковнымъ старостою, но я замѣтилъ непорядки въ отчетности денегъ и предложилъ обществу выбрать другого; за это онъ меня невзлюбилъ и сталъ писать на меня всякіе доносы, кляузы. Писалъ и инспектору народныхъ училищъ, а наипаче владыкѣ, который не разъ вызывалъ меня для объясненій и только благодаря моему стихотворству владыка положилъ гнѣвъ на милость и оставилъ меня на мѣстѣ.

— Какому стихотворству? — поинтересовался я узнать.

— Да видите ли, я немного поэтъ. И сколько разъ въ жизни поэзія эта выручала меня изъ всякихъ бѣдъ моихъ. Когда я священнослужителемъ въ М. уѣздѣ, приходъ тамъ, какъ я уже и докладывалъ вамъ, былъ очень убогій. Брать съ бѣднаго народа было и нечего, и грѣшно, и я, обремененный большою семьею, таковую же и нужду претерпѣвалъ. Стали подростать дѣти, и нужда еще болѣе увеличилась. Тщетно я просилъ владыку перевести меня въ лучшій приходъ, и только когда я написалъ ему прошеніе въ стихахъ, изобразивъ въ нихъ картину своей жизни, владыка внялъ моей просьбѣ и далъ мнѣ вотъ этотъ приходъ, гдѣ я обрѣтаюсь и понынѣ. Второй разъ въ жизни моей поэзія выручила меня изъ бѣды, когда я долженъ былъ объясняться съ владыкой по поводу многократныхъ донесеній на меня сосѣда вашего, господина П. Я преподнесъ владыкѣ басню, гдѣ господинъ П. изображенъ волкомъ, а я волкомъ.

— Да..., и знаете что, басня эта на владыку произвела сильное впечатлѣніе. Пересталъ вѣрить кляузамъ господина П. Но господинъ этотъ и послѣ того не унимался. Ыздилъ самолично къ владыкѣ. Просилъ его удалить меня съ занимаемаго мною прихода и представилъ ему даже подниси на этотъ счетъ отъ нѣкоторыхъ крестьянъ, клеветовъ своихъ. Владыка, какъ сказывали мнѣ, обошелся съ нимъ сурово и даже, какъ сказывалъ мнѣ секретарь, просилъ его оставить его, владыку, въ покоѣ... Да! человекъ этотъ не важный. Поживите—убѣдитесь сами,—закончилъ батюшка.

Послѣ и батюшкинова отзыва я уже окончательно рѣшилъ визита сосѣду моему не наносить и вообще держать себя отъ него на почтительномъ разстояніи, несмотря на предупрежденіе моего предшественника, который совѣтовалъ мнѣ всячески быть предупредительнымъ и любезнымъ по отношенію этихъ братьевъ сосѣдей моихъ, такъ какъ народъ, молъ, „опасный и мстительный“.

— Если вы не будете заискивать въ нихъ, они будутъ дѣлать вамъ массу непріятностей,—убѣждалъ меня старый полковникъ. Словамъ полковника я не придавалъ тогда значенія, а потомъ въ продолженіе четырехлѣтней моей жизни въ этомъ имѣніи, мнѣ не разъ

приходилось убѣждаться въ правотѣ словъ моего предшественника.

Братья вступили со мною сразу во враждебныя отношенія, стараясь всякимъ способомъ „выкурить“ меня изъ этого имѣнія. Возстановляли противъ меня крестьянъ, распускали про меня всякіе нелѣпыя слухи и проч. Борьба шла не прямо—въ открытую, а какъ-то исподтишка, неуловимо: то кто-то дворовыхъ собакъ перетравить, то кто-то лошадь на лугу подстрѣлить, то кто-тодохлую кошку въ колодезь бросить..., но кто именно—доказательствъ на лицо не было, а молва указывала на младшаго изъ братьевъ, который со своимъ сыномъ-подросткомъ всегда отличались, какъ говорилъ мнѣ батюшка, озорничествомъ. Явнаго врага не видно было, и тѣмъ несноснѣе становилась жизнь среди враждебнаго лагеря. Рѣшилъ я терпѣть всѣ эти невзгоды до случая, когда я буду увѣренъ въ томъ, кто дѣлаетъ мнѣ всѣ эти непріятности. Случай вскорѣ и представился.

Изъ уничтоженныхъ кѣмъ-то всѣхъ моихъ дворовыхъ собакъ осталась только одна. Собака эта была очень цѣнна. Вывезенная еще щенкомъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири, она унаслѣдовала отъ предковъ своихъ всѣ лучшія качества своей породы. Стойкая, выносливая къ зимней стужѣ, она, несмотря на трескучіе морозы, на снѣжную метель, всю ночь, бывало, сидитъ среди двора, прислушиваясь къ малѣйшему шороху: то на скотный дворъ побѣжить, то къ конюшнѣ навѣдается, то кругомъ дома обѣжить и, провѣривъ, что все обстоитъ благополучно, сидеть опять на свое мѣсто среди двора и затянетъ опять свое монотонное:—гавъ, гавъ... Кромѣ того это умное животное оказалось еще способнымъ, понятливымъ къ запряжкѣ. Одинъ изъ служащихъ у меня мальчиковъ-подростковъ легко подучилъ ее запрягаться въ санки и пользовался ею для подвоза топлива къ дому и зерна на сушилку. Животное это охотно исполняло свою обязанность и съ нетерпѣніемъ ждало того момента, когда мальчикъ отвяжетъ его отъ столба, къ которому она привязывалась на день, и возьметъ ее для работы. Хохликъ мой прямо таки привязывался къ этому животному, питалъ къ нему особенно нѣжныя чувства и иначе не называлъ его, какъ „товарищъ мой“.

И по своей породистости, и по своимъ достоинствамъ это бѣлое косматое существо съ маленькими остроконечными ушками, съ типичнымъ косматымъ хвостомъ, закрученнымъ бубликомъ, со своими черными, какъ уголь, небольшими глазами, съ его остроконечной мордой было очень дорого для меня; утрата животнаго этого была незамѣнимой потерей. Братья сосѣди мои знали это, и одинъ изъ

нихъ задумалъ уничтожить его и съ этой цѣлью искалъ только удобнаго случая.

Открылась въ селѣ нашемъ обыденная весенняя ярмарка. Наѣхало много и торговаго народа, нашло много и празднаго хулиганствующаго, бродячаго. Разгуль, какъ водится въ такихъ случаяхъ, пошелъ, что называется, во всю. Толпы празднаго народа всю ночь ходили по улицѣ около дома то съ пѣснями, то съ криками... Случай былъ подходящій, чтобы убить животное, свернувъ поступокъ этотъ на кого-нибудь изъ этихъ пришлыхъ людей.

Около полуночи, когда во дворѣ все, какъ говорятъ хохлы, „обиспало“, я услышалъ на улицѣ два выстрѣла одинъ за другимъ. Я по чутью бросился изъ комнатъ во дворъ розыскать своего „сибиряка“. Мѣсто его около столба было пусто и на зовъ мой „товарищъ“ не откликался; а на утро мнѣ сообщили, что сибирка лежитъ убитая на улицѣ въ канавѣ и сообщили также, что собака убита однимъ изъ братьевъ П.

Я подалъ жалобу мировому судѣ.

На судѣ явился не самъ отвѣтчикъ, а старшій братъ по довѣренности отъ него.

Свидѣтельскими показаніями фактъ убійства собаки младшимъ изъ братьевъ былъ установленъ и, прежде постановленія рѣшенія судья предложилъ сторонамъ помириться.

Я не соглашался, требуя уплаты за животное, но деньги тѣ просилъ взыскать съ отвѣтника въ пользу земскаго арестнаго дома.

Судья постановилъ соотвѣтствующее рѣшеніе.

— Я не ожидалъ такого рѣшенія, оно противорѣчитъ моему нравственному чувству,—сказалъ господинъ П., поднимаясь со своего мѣста и принявъ соотвѣтствующую позу.—Я по природѣ своей альтруистъ, а здѣсь идетъ дѣло объ удовлетвореніи только одного эгоистическаго чувства. Животное, приносившее пользу только одному лицу, становилось вреднымъ для цѣлаго общества и какъ вреднаго члена общества удаляютъ изъ своей среды, такъ и вредное животное удаляютъ съ улицы. Мораль здѣсь ясна.

При словахъ этихъ господинъ П. вынулъ изъ кармана записную книжку и сталъ цитировать изреченія древнихъ философовъ о морали, особенно подчеркивая нѣкоторыя мѣста изъ нихъ.

— При чемъ тутъ мораль,—замѣтилъ судья. Здѣсь дѣло идетъ о вознагражденіи одного лица на счетъ другого.

— Нѣтъ, именно мораль, не унимался господинъ П., и если бы судья былъ проникнутъ ею, то онъ не постановилъ бы такого вопіющаго рѣшенія.

Судья едва сдерживалъ себя, но, пересиливъ себя, произнесъ:—

„Если вы находите рѣшеніе мое неправильнымъ, вы можете обжаловать его въ двухнедѣльный срокъ, получивъ отъ меня копию рѣшенія“.

— Обжаловать!—отвѣтилъ господинъ П.,— нѣтъ, этого я не сдѣлаю... Какъ корреспондентъ многихъ журналовъ и газетъ,—при этихъ словахъ онъ круто обернулся ко мнѣ,—предамъ я все это гласности. Да..., именно гласности, которая одна только можетъ вывести изъ мрака къ свѣту всѣ уродливыя явленія нашей жизни.

— Довольно, довольно,—уже не сдерживая себя, сказалъ судья, задвигавшись какъ-то нервно на стулѣ. Все это къ дѣлу не относится... Еще разъ предлагаю сторонамъ помириться.

Двадцать пять рублей, присужденныхъ судьей за убитое животное, привели врага моего въ большое замѣшательство. Такъ какъ денегъ у братьевъ не водилось, а добыть ихъ у кого-либо, хотя бы у тѣхъ же дачниковъ, представлялось очень затруднительнымъ, то „мораль“ г-на П. свелась къ тому, что онъ сталъ меня просить прекратить это дѣло за примиреніемъ сторонъ. Я протянулъ ему руку.

Пріѣхавши домой, я засталъ тамъ батюшку, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня.

— Ну, какъ... познакомились?

— Да..., познакомился.

— Ну, что..., каковъ гусь?

— Какой-то странный господинъ, отвѣтилъ я.

— И болѣе того, замѣтилъ батюшка. Прямо вредоносець...

— А онъ-то и проводилъ на судѣ мораль на счетъ вредоносныхъ членовъ общества.

— Ого! на счетъ всякихъ моралей онъ великій мастеръ. Краснобай..., ужъ какъ разведетъ свою мораль, такъ только уши развѣшивай. Конечно, насъ съ вами этимъ онъ не удивить, а вотъ на прочій людъ, наипаче простой народъ, дѣйствуетъ и зѣло. Мужикъ вообще, а нашъ малороссъ особливо, по природѣ своей крайне недоувѣрчивъ, а ему вѣрятъ, и слова его рѣчей дѣйствуютъ на нихъ. Прошлое лѣто въ саду своемъ онъ подстрѣлилъ одну тутъ бабу, Маріей Прудченковой звали ее... Баба полѣзла на дерево обрывать ягоды, онъ ее замѣтилъ, да и всадилъ ей зарядъ изъ ружья. Но зарядъ былъ изъ мелкой дроби, бекасинника, угодилъ онъ ей въ мягкія части тѣла..., поранилъ ее только, а вреда существеннаго не нанесъ. Ну, баба давай кричать, выть...; собрались мужики—къ отвѣту тянуть его, и что же?—вывернулся; сказалъ, что стрѣлялъ онъ въ шпаковъ, а не бабу; да такъ рассказалъ убѣдительно, что

мужики и повѣрили ему, да еще и бабу ругать стали, что лавить по чужимъ садамъ.

— Да..., моралисть..., но мораль его дѣйствуетъ развращающимъ способомъ на людей. Вѣдь вотъ чему онъ учитъ:— „любовь, говорить, какъ даръ свыше, должна быть свободна во всѣхъ ея проявленіяхъ“.—А отсюда у него, какъ это ни странно, вытекаетъ и свобода дѣйствій, поступковъ и свободный взглядъ на внѣбрачное сожителство... Мнѣ, какъ духовному пастырю, всѣ эти его философствованія крайне не нравятся, что я открыто и высказываю и за что онъ наипаче не взлюбилъ меня. Моралисть..., а мораль-то его сводится къ тому только, чтобы поучать молодежь „свободной любви“, а молодежь, и наипаче дѣвицы, прямо въ восторгѣ отъ него.

— Была у насъ здѣсь сельская учительница, Вѣрой Степановной ее звали. Дочь когда-то состоятельныхъ, но обѣднѣвшихъ родителей, нынѣ уже умершихъ, эта стройная, красивая, молодая дѣвушка лѣтъ 17—18, прямо со школьной скамьи прислана была въ школу нашу. Съ великимъ усердіемъ принялась она за дѣло обученія и воспитанія дѣтей. Умная, религіозная, дѣвушка эта имѣла хорошее нравственное вліяніе на школьниковъ своихъ, которые любили ее всѣми силами своей дѣтской души. Мы вмѣстѣ съ народомъ нахвалиться не могли нашею молодою учительницею. Дѣло это шло такъ года два. Упала ли у нея прежняя энергія, или другая какая причина была, но молодое это существо стало скучать. Міръ простого человѣка съ его взглядами, нравами, обычаями были все-таки чужды ей; она начала тяготиться своимъ одиночествомъ, стала искать подходящаго для себя общества... и оно нашлось для нея и въ лицѣ дачниковъ, и въ лицѣ самого „моралиста“.

— Какой умный, развитой, начитанный человѣкъ, — какъ-то разъ сказала она мнѣ про него, познакомившись съ нимъ въ школѣ, куда пришелъ онъ послушать ея преподаваніе.

— Бойтесь волка въ овечьей шкурѣ, — сказалъ я ей, но слова его „умной“ рѣчи, его ласкающее обращеніе съ нею завладѣли уже воображеніемъ этого молодого существа, и слова мои, какъ пенялъ я, стали гласомъ вошющаго въ пустынь. Я сталъ замѣчать, что учительница наша уже не съ такимъ рвеніемъ занимается съ дѣтьми, уже по временамъ стала и манкировать уроками, а потомъ съѣхались дачники, вступила и она въ круговоротъ ихъ жизни, а съ отъѣздомъ ихъ переѣхала въ домъ „моралиста“. Наступила зима съ ея обычною школьною жизнью, но для школы она уже не существовала. Походила въ школу что-то съ мѣсяць, другой, да и совсѣмъ прекратила занятія. И слава ея, какъ талантливой учительницы, разсѣялась, какъ утренній туманъ послѣ восхода свѣтила

небеснаго. А жаль и велико прискорбно стало и за нее саму, какъ многоспособную и многообъщающую особу, и за ея искалѣченную жизнь. Слыхалъ я потомъ, что она, проживши у него что-то съ годъ, исчезла съ нашего горизонта.

— Поразскажалъ бы я вамъ и еще кое-что, да нора мнѣ уже и „до лясу“, какъ любилъ выражаться вашъ предшественникъ.

Батюшка сдѣлалъ уже движеніе къ выходу, но я его остановилъ, предложивъ ему одинъ вопросъ, который меня занималъ всю дорогу, и отвѣтъ на него меня очень интересовалъ.

— Не сумѣете ли, батюшка, объяснить мнѣ — почему на судѣ онъ отрекомендовался мнѣ Николаемъ Николаевичемъ старшимъ?

— А видите ли, у него есть сынъ того же имени. Старикъ съ женою своею жилъ плохо. Она уже много лѣтъ какъ бросила его, удалившись, какъ сказывали, отъ сего грѣховнаго, суетнаго міра въ одинъ изъ монастырей. При немъ остался тогда мальчикъ лѣтъ 7—8, единственный ребенокъ отъ его законнаго сожителства. Мальчикъ выросъ, обратился уже въ юношу, и стало въ домѣ два Николая Николаевича. Такъ и въ письмахъ обозначали—Н. Н. старшему, Н. Н. младшему. Со временемъ, будучи уже совершенно взрослымъ молодымъ человѣкомъ, младшій покинулъ свой отчій домъ, поступивъ, какъ сказывали, въ труппу какихъ-то странствующихъ артистовъ, а съ уходомъ его прекратилось и различіе наименованій, а почему онъ нынѣ такъ отрекомендовался вамъ—Христосъ его знаетъ. Больше для важности, изъ подражанія великимъ особамъ. Психопать..., чистой пробы,—закончилъ батюшка, прощаясь со мною.

На другой день посланный отъ „старшаго“ принесъ мнѣ цѣлую кипу какихъ-то книгъ и газетъ съ короткимъ письмомъ отъ него такого содержанія:

„М. Г.! Отъ вчерашняго знакомства съ Вами—къ сожалѣнію въ камерѣ судьи,—я понялъ, что я имѣю дѣло съ просвѣщеннымъ и гуманнымъ, въ силу отношеній Вашихъ къ меньшему брату, человѣкомъ. Гордыня духа не свойственна Вамъ. Умъ и душа Ваши, въ соединеніи съ Вашей симпатичной наружностью, произвели на меня наилучшее впечатлѣніе. Я не смотрю на людей сквозь призму увеличительнаго стекла, а понимаю ихъ такъ, какъ они есть на самомъ дѣлѣ. Меня называютъ послѣдователемъ незабвеннаго Льва Николаевича, но „о непротивленіи злу“ я понимаю нѣсколько иначе, что Вы и замѣтите изъ статей моихъ въ научномъ отдѣлѣ присылаемыхъ при этомъ Вамъ газетъ.

Вашъ Н. Н. П.

НВ. Мои дачники просятъ Васъ отпустить имъ хлѣбъ и молоко,

второй разъ. Всѣ случаи въ моей жизни бывають со мною по два раза. Два раза рождался, — такъ въ метрическихъ записяхъ значится, — два раза вѣнчался, два раза тонулъ, два раза...“, но ящикъ не далъ договорить приставу, ударилъ по лошадамъ, зазвонилъ оглушительно колокольчикъ, и приставъ, держа все время руку подъ козырекъ, выѣхалъ со двора. Вслѣдъ за нимъ уѣхалъ и я.

Возвратившись домой, я засталъ тамъ цѣлую кипу всякой корреспонденціи, доставленной мнѣ со станціи ж. д. почтаремъ моимъ. Среди нея были и письма, адресованныя на имя моего сосѣда.

Между ними было одно открытое письмо, обратившее мое вниманіе своею надписью на адресѣ: станція такая-то, такой-то ж. д. Его Свѣтлости, князю Н. Н. П.

— Что за притча?—подумалъ я.—Вѣдь онъ же не княжескаго роду, а тутъ еще и „Свѣтлости“. Имя и отчество и фамилія—его, но при чемъ же тутъ „Свѣтлость“? Содержаніе письма, вѣроятно, подумалъ я, объяснить мнѣ это недоразумѣніе.

Мелкимъ, женскимъ почеркомъ было написано.

„М. Г. князь Н. Н.! Въ № (такомъ-то) газеты (такой-то) я прочла, что Вы, князь, съ чисто гуманною цѣлью устроили въ усадьбѣ имѣнія своего бесплатный пріютъ-школу для дѣтей школьнаго возраста. Я бы очень желала помѣстить на лѣтнее каникулярное время на Ваше попеченіе сына моего — мальчика 10 лѣтъ. Если у Васъ еще имѣются свободныя мѣста, то сообщите, князь, чѣмъ премного обяжете меня“. Дальше слѣдовала подпись.

Я прямо руками развелъ отъ удивленія. Два года я уже проживалъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ господиномъ П. и ни о „свѣтломъ“ происхожденіи его, ни о какой-то школѣ-пріютѣ я не слыхалъ. Письмо я передалъ по назначенію.

Прошло, вѣроятно, съ недѣлю времени. Сидѣли мы въ палисадникѣ, выходящемъ на улицу. Невысокая рѣшетка отдѣляла улицу отъ нашего садика, такъ что и мы свободно видѣли всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ по улицѣ и можно было видѣть и насъ, находящихся въ палисадникѣ.

Солнце уже склонялось къ горизонту, когда увидѣли мы ѣдущій шагомъ извозчичій экипажъ; въ немъ сидѣли двѣ дамы съ мальчикомъ. Дамы нерѣшительно оглядывались по сторонамъ, словно онѣ чего-то или кого-то розыскивали. Увидѣвъ насъ, сидящихъ въ палисадникѣ, извозчикъ остановился и что-то шепнулъ дамамъ.

— Будьте такъ любезны,—обратилась къ намъ одна изъ дамъ,— не можете ли сказать намъ—какъ проѣхать къ господину Н. Н. П? Я указалъ дорогу.

— А не знаете ли—можемъ мы рассчитывать тамъ на гостепріим-

ство и удобный ночлегъ, такъ какъ возвращаться на станцію уже поздно?

— А поѣсть намъ тамъ дадутъ?—обозвался мальчикъ.

— А сѣна дадутъ тамъ для коней?—спросилъ извозчикъ.

— Хотя деревня,—отвѣтилъ я путешественникамъ,—находится, по обычаю, на особомъ положеніи гостепріимства, но въ данномъ случаѣ, какъ мнѣ извѣстно, такого гостепріимства, о которомъ вы запрашиваете меня, вы тамъ не найдете. Ни удобствъ ночлега, ни сытнаго ужина, ни сѣна для лошадей тамъ не найдется.

— Ну, а какъ же быть намъ?—заговорили всѣ разомъ.

— Милости просимъ къ намъ,—отвѣтилъ я. У насъ подночуете, а завтра утромъ вы и побываете тамъ.

Послѣ нѣкотораго замѣшательства дамы согласились на наше предложеніе.

— Жена инспектора X-ской гимназіи,—отрекомендовалась дама постарше.—Это моя бонна, а это сынокъ мой. Здоровья онъ слабаго. Нужны ему и чистый воздухъ, и хорошее питаніе, и физическія упражненія... Мы съ мужемъ уѣзжаемъ на два мѣсяца на одинъ изъ заграничныхъ курортовъ и сына своего хотѣли бы пристроить такъ, чтобы онъ могъ съ пользою для своего здоровья провести это время. Вашъ князь все это предоставляетъ дѣтямъ, какъ пишетъ онъ въ газетахъ. Вотъ, не угодно ли вамъ прочитать.

Дама вынула изъ саквояжа своего № Губернскихъ Вѣдомостей и, подавая мнѣ, прибавила:—„вотъ вы тутъ все найдете“.

— Я прямо удивленъ и пораженъ, сударыня, сказалъ я, прочитавъ извѣщеніе моего сосѣда.—До этого времени я только зналъ, что къ нему съѣзжается молодежь для лѣтняго пребыванія, а о школѣ для дѣтей я положительно ничего не слыхалъ. Если бы школа, о которой идетъ рѣчь въ газетѣ, открылась на-дняхъ только, то и тогда священникъ нашъ зналъ бы объ этомъ, такъ какъ онъ всегда находится въ курсѣ дѣлъ, касающихся моего сосѣда. Быть можетъ, что и онъ проглядѣлъ это, своего рода, событіе... Завтра отправитесь къ нему и убѣдитесь въ правильности сообщенія.

Утромъ вся эта компанія отправилась пѣшкомъ къ сосѣду моему, а, возвратившись отъ него, инспекторша сообщила мнѣ, что „ничего подобнаго у него нѣтъ“, что онъ только объ этомъ мечтаетъ.

— Пусть, говоритъ, сынъ вашъ остается у меня и положитъ начало осуществленія моей великой идеи.—Но, помилуйте, заявила дама, могу ли оставить сына при такой ужасной обстановкѣ. Я вѣдь вообразила себѣ, что сынъ мой будетъ жить въ имѣніи у состоятельнаго помѣщика, гдѣ онъ будетъ окруженъ и заботливостью, и удобствами, и комфортомъ, а упражняясь физическимъ трудомъ на чи-

стомъ воздухъ, будетъ набираться и силъ и здоровья. Я думала, что князь; вельможа...

— Да съ чего вы, сударыня, взяли, что онъ князь? спросилъ я у навной дамы, которая повѣрила, и такъ легко, газетной рекламѣ.

— Да какъ же? такая фамилія только бываетъ княжеская. И только князья могутъ развивать такъ далеко свою благотворительность. И было написано такъ хорошо, такъ все ясно, что я и повѣрила... Мой мужъ инспекторъ гимназій. На его попеченіи сотни дѣтей и вдругъ—такой обманъ, такой обманъ.—волновалась дама. Все это я предамъ гласности, напишу опроверженіе въ той же газетѣ и ужъ раздѣлаю его, этого, съ позволенія сказать...—Отъ волненія жена инспектора не могла подобрать соответствующаго эпитета для моего бѣднаго сосѣда и съ этимъ и уѣхала.

Въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній, послѣ обѣдни, я зашелъ къ батюшкѣ на „чашку чая“. Разказалъ я ему про визитъ инспекторши и весь этотъ разговоръ съ нею послѣ посѣщенія ею господина П.

— Какъ же это такъ, что я не освѣдомленъ былъ объ этомъ, удивился батюшка. Должно быть, старуха его опять зашла и на село не ходитъ, а то вѣдь она—нашъ неизмѣнный репортеръ. Ну, однако, куда нашъ „князь“ хватилъ. Помѣстить въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ такого большого города, какъ Х., вотъ этакое-то „приглашеніе“. Нѣтъ, этотъ номеръ у него не пройдетъ, а вотъ на счетъ танцъ-класса, такъ, кажется, дѣло у него тамъ обстоитъ иначе.

— Какого танцъ-класса?—полюбопытствовалъ я.

— Да развѣ вы не слыхали? Да? Ну такъ поразспросите у вашей бывшей горничной Маріи Гайдебуровой. Она частенько мимо же вашихъ оконъ ходитъ къ нему на уроки. Поговорите-ка съ нею, она можетъ многое вамъ поразказать. Съ дачниками у него что-то не ладится, да и полиція ужъ очень наираетъ на него; того и гляди, что съ дачниками произойдетъ крахъ. Со школой-пріютомъ, очевидно, тоже не ладится дѣло, но вотъ онъ и придумалъ новое дѣло—поставлять крестьянскихъ дѣвицъ въ какое-то увеселительное заведеніе города Одессы, а предварительно сталъ обучать ихъ танцевальному искусству и пріятному, обходительному обращенію съ мужчинами. Завелъ у себя что-то вродѣ танцъ-класса. Сказываетъ, что преподавательницею этого милаго искусства состоитъ одна изъ дачницъ одесситокъ. Женщина, какъ сказываютъ, права и взгляда свободныхъ. Туда учиться ходитъ не одна Гайдебурова, но и еще кое-кто изъ дѣвицъ нашего села. Я уже и батькамъ ихъ нотацию читалъ на счетъ ихъ дочекъ, да и не знаю—поможетъ ли это.

Я ужасно заинтересовался этимъ новымъ дѣломъ моего сосѣда и съ нетерпѣніемъ ждалъ момента увидѣть мою бывшую горничную и поразспросить у нея подробности этой затѣи „моралиста“.

Марія Гайдебурова—дѣвушка высокая, стройная, съ толстою длинною русою косою, съ темными бровями на румяномъ лицѣ, производила впечатлѣніе довольно красивой дѣвушки. Лѣтъ была она 19. Прослужила она у насъ что-то около году и по невѣдомой для насъ причинѣ ушла, а теперь эта невѣдомая причина стала ясна.

Изъ опроса своей ворчуньи кухарки я узналъ правду: „дѣвчата ходять до него (П.) танцовать яку-то катрель (кадриль), да пісень якихъ-то спиваты (пѣть), не нашихъ простыхъ, а паньскихъ, шо бѣ уміли вони спиваты (пѣть) по благородному“.

Старуха моя передала, какъ потомъ выяснилось, вѣсти очень правдоподобныя, такъ какъ на второй же день послѣ разговора моего со старухой проходилъ я вечеромъ по нашей улицѣ и услышалъ гдѣ-то вдаль, вблизи усадьбы П., пѣніе знакомаго мнѣ голоса бывшей нашей горничной.

Она пѣла тихо и за отдаленностью разстоянія нельзя было слышать словъ, но по мѣрѣ приближенія ея къ усадьбѣ моей, слова пѣсни той становились все яснѣе, и я уже отчетливо услышалъ: „не страдать, а любить я готова тебя“. На этомъ голосѣ ея оборвался, а потомъ грустная мелодія пѣсни снова возобновилась, и опять услышалъ я послѣднія слова ея: „мнѣ не жить одной, безъ тебя, другъ ты мой“.

Голосъ снова замолкъ и съ большею силою возобновился уже на мотивъ какой-то веселой, забубенной пѣсни.

Дѣвушка замѣтила меня.

Опустивъ глаза внизъ, немного согнувшись, она старалась пройти мимо меня съ видомъ скромности, невинности... Я остановилъ ее.

— Отъ Н. Н.? прямо предложилъ я ей вопросъ.

— Да..—отвѣтила она тихо, съ опущенными, по обыкновенію, глазами внизъ.

На этотъ разъ мнѣ не удалось получить отъ нея отвѣта на интересующіе меня вопросы, а уже не скоро, послѣ цѣлаго ряда встрѣчъ и разговоровъ съ нею я узналъ, что дѣйствительно она ходить къ нему брать уроки танцевъ и пѣнія, и что посулилъ онъ ей большую будущность и славу въ Одессѣ, гдѣ она будетъ зарабатывать и деньги большія.

— Да и еще говорилъ мнѣ, поясняла она: при твоей красотѣ, да при твоёмъ голосѣ, да развѣ тебѣ мѣсто въ деревнѣ, гдѣ гибнутъ таланты въ жизни безпросвѣтной. Слова эти, такъ по вкусу

пришедшіяся молодой дѣвушкѣ, произвели на нее, очевидно, сильное впечатлѣніе, и она ихъ, какъ видно, заучила наизусть, не давая, конечно, себѣ яснаго представленія о понятіяхъ—„талантъ“ и „жизнь безпросвѣтная“.

Мнѣ стало ужасно жаль этой молодой дѣвушки, вступающей такъ охотно и такъ безотчетно на ложный путь. Все ея существо было проникнуто стремленіемъ къ жизни лучшей, безъ труда и нужды, къ жизни—гдѣ и слава, и богатство сулилось ей. Охваченная этимъ чувствомъ, стремилась она на этотъ торный путь, и ни въ чьихъ, конечно, силахъ было остановить ее.

Потомъ я слыхалъ, что она съ одною изъ дачницъ уѣхала таки въ Одессу; а еще позднѣе отецъ ея съ радостью сообщалъ сосѣдямъ своимъ, что дочка его много денегъ зарабатываетъ въ Одессѣ и „мнѣ прислала уже двадцать пять рублей“..

— Ну, а двухъ мнѣ таки удалось задержать,—сказалъ мнѣ батюшка въ одну изъ встрѣчъ съ нимъ.—Батьки ихъ все-таки послушали меня и не пустили ихъ туда. Да... что подѣлаешь... ужъ очень соблазнъ великъ. Денегъ, сказываютъ, Марія много шлетъ домой. Вѣдь это такой аргументъ, что мужичку и не совладать съ нимъ. Соблазнъ великъ—не въ мѣру.

— Ну, слава Богу, наступило уже затишье, ибо дачники стали ужъ разъѣзжаться по домамъ, а тамъ наступитъ зима, „моралистъ“ останется одинъ, и ужъ ему будетъ тогда не до „танць-классовъ“....

М. С—ъ.

